

га лабірынту: груканне ў дзверы (“Призраки”, “Возврат”), бясконцае блуканне па калідорах або вуліцах горада ў марных спробах дасягнуць ілюзорнай мэты (“Возврат”, “Проклятие зверя”) або па краінах свету (“Чемоданов”). Падобныя матывы маюць сімвалічнае значэнне блукання ўсялякую па жыцці, у якім вышэйшыя сілы безуважныя да чалавека. Чалавек робіць марную спробу кіраваць сваім жыццём, ён толькі лялька ў руках жорсткага лёсу.

Іншыя пазнакі хранатопа сустракаем у апавяданнях М. Гарэцкага, для якога мастацкая прастора мясцовасці становіцца найважнейшай перадумовай маральнага стану асобы. Найбольш часты для яго апавяданняў – хранатоп хаты і вёскі. Дабрабыт чалавека цесна звязаны з месцам: калі ёсць месца, дом, то ёсць і чалавек або памяць пра яго (“Габрыелевы прысады”). Калі ўсё разбурана, то наратар спрабуе, прынамсі, успомніць, уявіць людзей, звязаных з гэтай мясцовасцю (“Руіны”, “Разбураныя хаты”).

Такім чынам, агульныя для абодвух пісьменнікаў прыёмы сну і сродкі стварэння ілюзорнасці быцця праз розныя хранатапічныя прыкметы акцэнтуюць розныя, амаль процілеглыя накіраваныя светаадчувальныя мадэлі. Калі ў Л. Андрэева матывы блукання, вобразы лабірынту выяўляюць страту чалавекам свайго месца ў свеце, яго разгубленасць і бездапаможнасць, то ў М. Гарэцкага асоба героя або наратара добра ўсведамляе сваю сувязь з роднай мясцовасцю, спроба захаваць якую становіцца вызначальнай для яе ўсведамлення свайго месца ў ходзе быцця, у сусвеце.

Крыніцы

1. Андреев, Л. Н. В поезде [Электронный ресурс] / Л. Н. Андреев // Lib.Ru: Классика. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0132.shtml. – Дата доступа: 09.02.2014.
2. Андреев, Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. Н. Андреев. – М. : Худож. лит., 1990 – 1996. – Т. 2. : Рассказы; пьесы. 1904 – 1907. – 1990. – 559 с.
3. Андреев, Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. Н. Андреев. – М. : Худ. лит., 1990 – 1996. – Т. 5. : Рассказы; пьесы 1914 – 1915; сатирические миниатюры для сцены 1908 – 1916. – 1995. – 511 с.
4. Гарэцкі, М. І. Збор твораў : у 4 т. / М. І. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1984 – 1986. – Т.1.: Апавяданні 1913 – 1930. – 1984. – 446 с.

L.Y. Hlazman

VSU named after P.M. Masherov
e-mail: Lubov_glazman@bk.ru

Artistic Techniques for Representation a Personal World Attitude in the Stories by M. Haretsky and L. Andreyev

Key words: M. Haretsky, L. Andreyev, short story, personality's attitude to the world, illusory nature.

The article explores the artistic means and methods of displaying the personality's world attitude in M. Haretsky's and L. Andreev's stories. In representation of a personal statement in the stories, the most important functions are performed by artistic conventionality with accented phantasmagoria, the illusory nature of being (which are similar in the works of both authors), the space-time organization of the stories (which are different in the prose of M. Goretzky and L. Andreev).

В.В. Гниломедов, Н.В. Микулич

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси
e-mail: mikmik43@gmail.com

УДК 821.161.1(476).09“19/20”

СОВРЕМЕННАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПОЭЗИЯ БЕЛАРУСИ: ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Ключевые слова: идейно-эстетические традиции, преемственность, творческая индивидуальность, развитие, историко-литературный процесс, система.

В статье раскрываются характерные особенности современной русскоязычной поэзии Беларуси как уникального явления на литературной карте Европы, составной части одновременно белорусского и русского социокультурного дискурса. Анализируются творческие поиски наиболее значимых русскоязычных авторов, представителей разных литературных регионов, поколений и творческих школ – В. Блаженного, И. Котлярова, Г. Трестмана, В. Поликаниной, А. Габриэля, Е. Крикливец. Отмечается склонность поэтов к осмыслению духовно-нравственного мира личности, вечных проблем жизнедеятельности человека, их заангажированность в актуальные противоречия общественно-социальной действительности, обращается внимание на поэтико-стилевую парадигму художественного слова и т.д.

Современная русскоязычная поэзия Беларуси – уникальное явление на литературной карте Европы. Продуцируя на почве белорусских и русских духовно-социальных и литературно-

художественных традиций и ценностей, развиваясь на острие интенсивного белорусско-русского общественно-культурного диалога и взаимодействия, она является частью одновременно белорусского и русского социокультурного пространства. Это творчество преимущественно русских по своему менталитету, национальному генетическому коду, воспитанию и характеру мироощущения, а также русскоязычных белорусских авторов. Отражая ландшафт и специфику реальной социально-исторической действительности, обращаясь к белорусским референциям, современная русскоязычная поэзия Беларуси представляет собой редкое по своей природе сочетание и взаимодействие русских и белорусских национально-культурных парадигм, архетипов народного мышления и концептов постмодернистского сознания, многообразия творческих индивидуальностей, стиливых течений, жанрово-структурных форм, непохожести человеческих судеб и др.

Значительное место в русскоязычной поэзии Беларуси принадлежит Вениамину Блаженному (наст. – Айзенштадт, 1921 – 1999), творчество которого удивляло своей аполитичностью, отсутствием классово-партийной идеологии, утверждая выразительное общечеловеческое, духовно-нравственное начало.

Публиковаться В. Блаженный начал в 1982 г. Стихи печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Нёман» и других, выходили и отдельными сборниками – «Возвращение к душе» (1989), «Слух сердца» (1990), «Сораспяты» (1995), «Скитальцы духа» (2000).

В его поэзии немало автобиографического, через которое хорошо виден внутренний мир, нравственный облик поэта. Лирический герой поэзии В. Блаженного (сам он не любил этот литературоведческий термин, полностью отождествляя свое поэтическое «я» с самим собой) жаждет обрести полную меру человеческого: стыда и совести, долга и сострадания, стремится проникнуться «почтением к бытию», «благословением перед жизнью». Его поэзия – непрерывное развитие личности во всей ее духовно-нравственной содержательности. Поэзия, творчество были для В. Блаженного смыслом жизни. И еще – вера. Бог, божественное всегда оставались частью его сознания:

Нехорошо бродить так далеко от Бога,
Чтобы не видеть рук, простертых в высоту,
Когда под тенью их лежит твоя дорога,
И даже за предел уходят руки те... [4, с. 33]

В. Блаженный стремился осмыслить «себя в мире и мир в себе», как сказал по другому поводу М. Бахтин. Поэт создает стихотворные (и прозаические) тексты, которые по существу становятся средством познания мира в широком и целостном контексте. Ему было доступно то, что называют системностью Космоса и универсальностью его законов. Причем «обобщенность» художественных суждений и оценок у В. Блаженного не переходит в «отвлеченность», рассудочность хорошо уравновешивается правдой и искренностью.

Он ставил перед собой сложные задачи нравственно-мировоззренческого, духовного характера. Глубина поэтического обобщения у В. Блаженного стремится соответствовать обобщению философскому. Поэт постоянно обращен к вечным, повторяющимся ситуациям бытия, к человеку-личности как представителю вселенского человеческого рода. Одиночество и изолированность человека, – утверждает В. Блаженный, – иллюзорны, потому что на самом деле каждый человек принадлежит Богу как имманентно свойственной Вселенной креативной силе.

Блеснет господний свет во мраке преисподней...
– Господь, – я вопрошу, – не тот ли это свет,
Что всюду разлился по милости господней,
Которому нигде преграды в мире нет?..
Не тот ли это свет, что пронизает душу,
Всем горестным ее соблазнам вопреки,
И все ее грехи торчат в душе наружу,
Как у зверей торчат разбойные клыки... [4, с. 32]

Здесь даже тему трудно определить, она выступает как нечто глубоко внутреннее, интимное. Поэт не просто фиксирует реальность, он создает ее заново – большими усилиями, тяжелой работой души, синтезируя физическое и метафизическое, все ближе и ближе подступая к исконным тайнам бытия и человеческих отношений. Хотя фактов окружающей действительности в поэзии В. Блаженного немного, но это, не будем забывать, лирика, и пространство лирической, внутренней темы у поэта чрезвычайно широко и объемно. Тема у него не отражается, а выражается, и ее в сущности можно отождествлять с понятием «проблема», которая выявляет себя концентрированно, всей совокупностью жизненного опыта поэта, его знаниями, памятью, ментальностью.

И. Бродский считал, что существует «три метода познания: аналитический, интуитивный и метод, которым пользовались библейские пророки – посредством откровения. Отличие поэзии от прочих форм литературы в том, что она пользуется сразу всеми тремя (тяготая преимущественно ко второму

и третьему), ибо все три даны в языке...» [1, с. 9]. Метод В. Блаженного тяготел к третьему – библейскому откровению, обретая свое стиливое воплощение во всех элементах поэтической формы, включая замедленный темп речи и даже знаки препинания. Его стихи часто похожи на евангельские притчи, в которых автор на основании своего жизненного опыта размышляет над тайнами Бытия, постигая его метафизическую глубину и создавая свою духовно-поэтическую реальность.

Творчество этого большого поэта, несомненно, влияет и еще долго будет влиять на русскоязычную поэзию Беларуси.

«Личность человеческая, – утверждал Н. Бердяев, – более таинственная, чем мир. Она и есть цельный мир». Современная поэзия Беларуси обращена к сознанию личности. Вместе со всей литературой она берет на себя значительную часть той очистительной работы в сфере духовной жизни, в которой имеет потребность общество. Современные русскоязычные поэты Г.Киселёв, И.Котляров, Ю.Фатнев и др. стремятся сохранить настроенность на поиск, напряженно всматриваются в облик человека, ищут совестливого героя.

В духовном мире личности всегда сосуществовало два начала: сердце и разум, эмоционально-чувственное и рассудочно-интеллектуальное. Об этом еще раз напоминает поэзия Изыслава Котлярова (род. в 1938), живущего в Светлогорске. О себе он говорит:

В этом нет никакого резона –
делать общим свой собственный век.
И живу я от всех отстраненно,
ибо каждый – себе человек.
И живу-то я как-то подспудно
здесь, где свет к нам приходит из тьмы,
где еще до сих пор почему-то
«я» мое не вмещается в «мы». [3, с. 101].

И. Котляров – неисправимый морализатор, речь его при этом негромкая, спокойная, рассудительная, вразумляет он тихо и, кажется, убедительно. Поэзия И. Котлярова направлена на расширение и углубление жизненного опыта человека, она ориентирует его на постоянное самоусовершенствование.

Поэзия, особенно лирическая, как известно, требует, чтобы поэт оставался самим собой, чтобы в стихах выявлялась его истинная сущность. И. Котляров к этому как раз и стремится. Каждое слово у него имеет собственную глубину и наполненность, свой смысл и тайну. В известной «Теории литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена отмечается, что «есть поэты объективные и субъективные. Первые, как Китс и Т.С. Элиот, утверждают способность поэта «устраниться», вместить в себе и выразить мир, отказавшись в чем-то от собственной индивидуальности; другие, наоборот, стремятся всячески выдвинуть свою индивидуальность, дать автопортрет, их увлекают исповедь, самовыражение» [6, с. 92].

Духовная, лирическая, психологическая насыщенность в одном и другом случае разная. И. Котляров относится ко второму типу поэтов. Его герой – не человек-борец, не общественный деятель и даже не аналитик. Главный акцент поэт делает на рефлексию, на исповедальность и чувство. Душевную опору он находит в поэзии, содействующей росту и развитию мировоззрения, пониманию того, что собой представляет человек, что его окружает, что заслуживает его пристального внимания и осмысления. Очень часто взор поэта устремлен за поверхность видимых и реальных вещей, за пределы чувственного, в тайны духовного, сокровенного. В стихах И. Котлярова «Все погасло, опять мерцает...», «Молчать или спросить...», «Даже взгляд ничего не поймет...» и других много сосредоточенной рассудительности, есть отрешенность и даже мистика, но не это, на наш взгляд, главное. Главное, стержневая мысль поэта в том, что жизнь — это не ремесло, не работа и даже не миссия, взятые сами по себе, а словно бы подарок сверху, подарок неба, Высшей духовной сущности. Цель жизни – в самой жизни, в ее каждодневном течении и содержании. Одним из самых крупных современных русскоязычных поэтов Беларуси является Григорий Трестман (род. в 1947) – поэт тонкий и артистичный, о чем свидетельствует, например, стихотворение «Селфи», лирический герой которого напоминает трикстера – персонажа из еврейского фольклора. Это шутник, насмешник и вольнодумец, не подчиняющийся общим правилам, неиссякаемый оптимист. Кажется, что не поэт, а он так смело моделирует остроумные парадоксы. Понятно, этим искусство Г. Трестмана не ограничивается, оно многогранно по мысли и чувству, его поэзия в полном смысле слова – поэзия познания и открытия, глубокого и оригинального творчества. В лирическом герое Г. Трестмана просматривается не только трикстер, но есть что-то и от царя Соломона, прославившегося своей всесторонней осведомленностью и мудростью.

Г. Трестман – наш современник, его творчество закономерно вписывается в то крыло постмодернизма, которое смело использует национальные традиции. Его поэзия выявляет философскую модель

сознания современного человека, уникальность его внутреннего мира, его смысловых ориентиров, ищет конструктивные пути самореализации личности. Это сознание – сознание прежде всего экзистенциальное, бытийное – во многом определяет внутреннюю жизнь лирического героя поэта с его обостренной реакцией на окружающий мир, с ощущением его несправедливости, алогичности бытия, одиночества. Он позиционирует себя как мироистолкователь, предлагающий свое понимание того, что происходит («Спроси у одного или у всех...», «Шествие», «Мы летим в никуда...» и др.).

В поэтическом творчестве Г. Трестмана преобладает философско-медитативная, аналитическая идейно-художественная парадигма. Лирический герой поэта обращен к анализу духовно-нравственного мира современника, который встревожен и озабочен острыми социоморальными проблемами и противоречиями действительности. Мы отчетливо видим: это колоритная, харизматичная, глубоко мыслящая и в то же время тонкой душевно-психологической организации, легкоранимая натура. Слову Г. Трестмана свойственны подчеркнутая идейно-эстетическая выверенность, вескость содержания, убедительность звучания. На первый взгляд, сугубо частное, даже глубоко личное он умеет наполнить актуальным социально-философским смыслом, соотносить с размышлением над важными аспектами человеческой жизнедеятельности. Как правило, предметом творческого осмысления выступают не столько отдельные события и факты, сколько их совокупность или знаковые трендовые явления и процессы. Значительное место в его лирике занимает так называемая экзистенциальная, аксиологическая тематика.

Г. Трестман – сын своего времени, но не только своего, а и прошлого, измеряемого веками и тысячелетиями. Он активно относится и к прошлому, и к будущему, не отстает от своей созидательной миссии. Он прозорлив и умеет «правду-матку» резать в глаза, это поэт с развитым видением противоречивости действительности и ее целостности, диалектического устройства мира, амбивалентности сущего. Иногда он напоминает библейского пророка, воинствующего и неуступчивого в своем желании образумить человека, улучшить мир. Г. Трестман разговаривает с Богом запросто, как с обыкновенным собеседником. Отдельные его стихи, с обращением к Богу, напоминают молитвы, способные, однако, много поведать о самом авторе:

Упаси меня, Боже,
от смеха средь гибельных мест,
Я – Иакова семя –
отведал его чечевицы. [5, с. 67].

Среди интересных поэтов нового поколения – Валентина Поликанина, отличающаяся задушевностью, теплотой и искренностью, женской добротой и стремлением делиться своим даром любви к жизни и к людям с другими. Есть в ней что-то сродни русской поэтессе Ксении Некрасовой – кроткая, добродушная наивность, спокойствие и безмятежность, энергия нежности и света. Создание стихов для нее означает жить, дышать, равнозначно процессу существования. Таков ее менталитет. В поэзии В. Поликаниной находим то, о чем она думает, что чувствует, отражение того, что происходит сегодня в стране и мире: «Рожденья, смерти, новые открытия, / Решительные планы впереди... / Бегут года в неустрашимой прыти, / И падают усталые дожди...» Печали и горести поэтессы не умозрительные, а вполне конкретные, непридуманные, она глубоко чувствует и искренне сочувствует. Она не ограничивается утешительно-успокоительными сентенциями и интонациями, ее героиня стремится найти выход из каждой конкретной ситуации, опору в жизни, преодолеть обстоятельства, препятствия и трудности.

Пойду, осмелевшая, к людям:
Прозревшей душой говорить.
И сердце отважное будет –
Еще безысходней – любить.

(«Я еду в последней маршрутке»)

У В. Поликаниной свой поэтический мир, свой словарь, свои тренды и смыслы, дискурсы и контексты, она придерживается традиционной поэтики русского стихосложения, конкретно-чувственной образности, пластичной стилистики. И этого поэтессе вполне хватает для плодотворного, результативного творчества, в котором непосредственное восприятие жизни органично сочетается с высокой одухотворенностью.

1990-е годы – время развала и упадка, время углубления духовно-социального кризиса. Некоторые поэты не выдержали сложившейся ситуации: одни оставили творчество, ушли в бизнес, другие занялись творением доходных коммерческих опусов, третьи уехали, эмигрировали. Но и в эмиграции настоящий поэт таковым и остается, о чем правдиво и убедительно свидетельствует талантливый Александр Габриэль (род. в 1961), уроженец Минска, живущий теперь в США: «Мне б исчезнуть в мельканье лиц, / в шевеленье житейской пены, / но невидимый миру шприц / мне стихи загоняет в вены...».

Самым важным для него в поэзии является «умение раскрыть мысль или эмоцию минимумом слов и максимумом выразительности. Умение найти оттенки цветов в повседневной серости. Умение отыскать и сформулировать яркий парадокс, пребывая в среде обыденности...» [7]. Многие стихотворения поэта вырастают на основе эстетического осмысления с новых позиций явлений и событий прошлого, лично некогда пережитого: «До чего ж хорошо! Я – иголка в стогу...», «28 капель корвалола», «Меж нами не было любви» и др.

Поэзия А. Габриэля обращает на себя внимание напряженностью и остротой лирико-драматического дискурса, интенсивностью эмоций и переживаний, своеобразной концентрированной чувственной парадигмой. Его художественное сознание характеризуется сочетанием разных хронотопов, временных и пространственных координат и измерений. События и факты далекого прошлого переплетаются у поэта с романтически-возвышенными мечтами и фантазиями, конкретно-историческое, реальное соотносится с аллегорическим, условно-сказочным, даже мифологическим. Многим его стихотворениям свойственно характерное художественное перереконструирование картин и рисунков объективной действительности с целью выявления их глубокого внутреннего содержания. Стихи А. Габриэля, интровертные по своей художественной природе, характеризуются оригинальным соотношением и взаимодействием лирико-драматического и оптимистического аспектов как выявлением оппозиции реального и желаемого, настоящего, существующего и возможного. Объективное подчиняется в них субъективному, отражение людей и процессов – раскрытию духовно-эмоциональных переживаний лирического героя, чаще всего связанных, как отмечал сам поэт, с яркими, незабываемыми картинами и событиями отдаленного прошлого.

Как правило, мы видим героя А. Габриэля в состоянии противоречивого эмоционально-чувственного размышления, связанного с анализом сложных проблем жизни и человека, в состоянии напряженной душевно-психологической рефлексии. Перед нами человек, несомненно, цельный, содержательный, благородный своими мыслями и поступками, внутренне независимый и самодостаточный. Это натура тонкая, впечатлительная, мягкая, охваченная чистыми, светлыми, бескорыстными душевно-чувственными устремлениями.

Ты видел то, что возводил тщеславный Тит,
владенья Габсбургов, Рейкьявик и Лахор;
внушал себе, что в небеса вот-вот взлетит
как будто лебедь, белопенный Сакре-Кёр.
Ты видел, как верблюдов поит бедуин
и как на Кубе культивируют табак,
бродил в тиши меж древнегреческих руин,
где статуи Зевса — как нерезаных собак.

Ты в Сан-Хуане католический форпост
шагами мерял, сувениры теребя;
и выгибался томной кошкой Карлов Мост
над шумной Влтавой, выходящей из себя.
Ты видел Брюгге и скульптуры Тюильри,
поместье в Лиме, где когда-то жил Гоген...
Но – Минск, Каховская,
дом номер сорок три –
фантомной болью бередит протоки вен.
Так получается: сменив с пяток планет,
приблизив истины к слабеющим глазам,
ты ищешь родину, которой больше нет,
и для которой ты давно потерял сам. [2, с. 61]

(«Каховская, 43»)

Родина, Минск, улица Каховская, дом № 43, где прошло детство и юность А. Габриэля, а также средняя школа № 35, в которой он учился, навсегда остались в сердце поэта.

Одним из лидеров молодого поколения современных русскоязычных поэтов Беларуси является Елена Крикливец (1983), известная не только как поэт, но и как литературовед и литературный критик. Ее стихи печатались в многочисленных изданиях Беларуси, России, Молдовы, Бельгии и других стран. В 2008 г. вышел первый сборник поэтессы «На грани света», в 2015 – второй «За строкой». Они имеют выразительный философско-аналитический характер. Духовно-эстетическое сознание Е. Крикливец определяется такими качествами, как активность художественного мышления, стремление осмыслить острые проблемы и противоречия действительности, проникнуть в сущность явлений и процессов. Большое место в нем принадлежит самоанализу, рефлексии, размышлениям о жизни и смерти, мечтах и разочарованиях, дружбе и одиночестве, любви и счастье, вечности и скоротечности времени, человеческой судьбе. Все это находим в стихах «Воды немало

утекло...», «Мост, который сгорел, не отстраивай заново...» «Не имею склонности к порядку...» и других, свидетельствующих о развитии и обогащении представлений автора о духовных началах и ценностях жизни. Большое, значимое, общественно-социальное у поэтессы фигурирует в преломлении через частное, лично испытанное и пережитое, а частное, интимное довольно часто перерастает в социально значимое, в размышления о вечных проблемах человеческого бытия, в духовно-философские обобщения и сентенции. Лирическое переживание Е. Крикливец имеет выразительные исповедальные свойства, в нем прошлое перемежается с настоящим, объективное с субъективным, частное с общим, конкретное с абстрактным («Этой мудрости много веков...», «Станут горести донимать...» и др.).

Важными компонентами духовно-эстетического облика поэзии Е. Крикливец являются лирико-драматическая насыщенность произведения, концентрированность содержания, выразительность и определенность мысли и чувства, характерная художественная завершенность образа, смысловая емкость стиля и в целом – поэтико-стилевая полнокровность и гармоничность. Большое место в ее лирике занимают образы озябшей осени, тревожного сердца, щемящей памяти, светлой грусти, сладкого ожидания и надежды, крыльев, парящей высоко в небе израненной души, Божьей благодати, дрожащих слов. Лирическая героиня поэтессы – современная молодая женщина, духовно богатая, возвышенная, благородная, тонко чувствующая грани добра и зла, высокого и низкого, правды и лжи. Ее в первую очередь интересует социоморальное бытие современника, его нравственный облик, душевно-психологический мир. Она ориентируется на основополагающие морально-этические ценности, на которых зиждется человеческая жизнь, стремится к высокому духовному идеалу.

Двигающей силой ее стиха является синтез рационального и чувственного, гармония эмоционального и интеллектуального начал, а в целом – рост смысловой емкости стиля. Е. Крикливец привносит в поэзию новые формы поэтичности: традиционный, реалистически точный стиль у нее обогащается разговорностью, подтекстом, лирико-публицистической напряженностью, условно-ассоциативной образностью, что придает стиху характерный объем, глубину, полнокровность и правдивость.

Художественно-образные структуры поэтессы обращают на себя внимание такими особенностями, как неожиданность сопоставлений, соотнесение разных по своему характеру и масштабу явлений и событий, фактов и процессов, контрастность цветов и оттенков, перепад ритмико-интонационного звучания: «Дождь смывает обломки лжи – мостик был ненадежно выстроен...», «Над водой то тут, то там – щепки боли, обид, сомнения... Одинокие берега под дождями дрожат осенними...» («Дождь смывает обломки лжи...»), «Я к полету вчера привыкала, поднимая мечту на крыло...», «Я изорванных крыльев кусочки собираю с земли впопыхах. Я мечту собираю по строчкам. Я ее воскрешаю – в стихах...» («Я к полету вчера привыкала...»), «Прозвенело. Застыло. Оттаявший март приподнял воротник, поежился. Собирая колоду рассыпанных карт, время строки свои итожило...» («В этом доме не спали, боясь немоты...»), «Метался огонек в широких лапах клена, кряхтели тополя, предчувствуя беду...» («Метался огонек в широких лапах клена...»).

Современная русскоязычная поэзия Беларуси богата и разнообразна как в проблемно-тематическом, так и в жанрово-стилевом плане, она успешно развивает не только традиционные, классические формы стиха, но и новаторские. Широкое распространение в ее творческой практике получили сонет, венки сонетов и даже венки венков сонетов (И. Котляров, Н. Серов и др.), верлибр, пунктиры, пунктирные верлибры (Ф. Мыслицкий, А. Никифорская, Т. Скарынкина, Е. Самигулина). Высокую оценку специалистов и рядовых читателей получила поэзия документа или документальная поэзия М. Малиновской и т.д.

Литература

1. Бродский, И. Нобелевская лекция / Иосиф Бродский // Книжное обозрение. – 1988. – 10 июня. – С. 9.
2. Габриэль, А. Каховская 43 / Александр Габриэль // Неман. – 2019. – № 5. – С. 60 – 67.
3. Дзень паэзіі – 2005. – Мінск: Маст. літ., 2005. – 318 с.
4. Современная русская поэзия Беларуси: антология / Сост. А.Ю.Аврутин. – Минск: УП «Технопринт», 2003. – 200 с.
5. Трестман, Г. ...Где нет координат: стихотворения и поэмы / Григорий Трестман. – 272 с.
6. Уэллек, Р. Теория литературы / Р.Уэллек и О. Уоррен. – М.: Прогресс, 1978. – 265 с.
7. Цит. по материалам, которые хранятся у авторов.

V.V. Gnilomedov, N.V. Mikulich

The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: mikmik43@gmail.com

Modern Russian-language poetry of Belarus: creative individuality and the literary process

Key words: ideological and aesthetic traditions, continuity, creative individuality, development, historical and literary process, system.